

Женщина с изящной фигурой и длинными ногами, одетая в светло-голубое ципао до колен, выглядела особенно сексуально. Её слегка вьющиеся волосы до плеч под солнечными лучами отливали каштановым оттенком.

Она держала в руке кисть, смоченную чернилами, и написала на рисовой бумаге иероглиф «Линь», который означал «приближение» или «близость».

Она мечтала о дне встречи, но расстояние было слишком велико, и время шло, делая её поиски всё сложнее.

Когда режиссёр крикнул «Стоп!», она положила кисть и посмотрела на небо. Лучи закатного солнца, пробивающиеся сквозь листву, осветили её лицо, и она тут же прикрыла глаза рукой.

Вернувшись домой, она вошла в маленькую комнату, которую годами тщательно обустроивала. В комнате были вещи, купленные за эти годы: одежда, игрушки, сувениры, привезённые из путешествий и съёмки.

Оглядев комнату, она остановила взгляд на тумбочке, медленно подошла к ней и открыла. Внутри лежал розовый коробок, похожий на коробку для телефона. Открыв его, она увидела пучок волос длиной с палец, перевязанный красной лентой.

Бесконечная тоска и любовь остались позади, оставив лишь чувство вины и слёзы.

«Я буду смело приближаться к тебе, защищать тебя».

Как в тот день, когда она прикрыла глаза от заката, она не хотела смотреть в лицо реальности. Но однажды она почувствовала обиду на Линь, ведь кто-то другой занял её место, смелее приблизился к нему и успешно защитил его.

— С какой стати мне тебя винить? Это я принесла тебя в этот мир, а он оказался смелее меня, матери, по-настоящему приблизился к тебе и защитил тебя.

На горе Цуйчжи было место, которое местные называли «Угодья Цзымао». Там росли три-четыре му снежных груш, символизирующих плодородие и процветание для будущих поколений. Из-за южного расположения и мягкого климата сезон цветения здесь наступал позже, обычно в третьем или четвёртом месяце лунного календаря. Крошечные белые лепестки, величиной с ноготь, разлетались по ветру, создавая впечатление, будто сухие деревья покрыты снегом.

Тёплое солнце, серое небо и небольшое озеро с бирюзовой водой — это уникальная красота Цуйчжи, место, которое местные жители почитали как священное.

Эти грушевые деревья были посажены главой деревни более десяти лет назад для его жены. Однако после её смерти от болезни глава закрыл Угодья Цзымао, запретив вход посторонним.

Тем не менее, в деревне существовала традиция: в первый месяц года рядом с Угодьями проводился праздник, и местный Совет приглашал актёров, чтобы они ставили небольшие представления на временной сцене. Чтобы жена могла увидеть свои любимые пьесы, глава открывал Угодья на три дня, после чего сцена разбиралась, и территория снова огораживалась.

Так продолжалось долгое время, пока однажды в деревню не пришла группа людей, и ограда была открыта вне традиционного времени.

В этом месяце как раз начинался сезон цветения груш, и бутоны, готовые раскрыться, выглядели так, будто их головки касались воды, обращённые к солнцу.

Этот особенный день должен был привлечь внимание к грушевым деревьям в Угодьях, но неожиданное появление этой группы людей заставило жителей гор спуститься вниз.

Обычно на единственной асфальтированной дороге деревни проезжали одна-две машины, закупавшие овощи и фрукты у местных. Но сегодня, неизвестно почему, приехало двенадцать машин, которые раньше видели только по телевидению.

Школьники, идущие домой, с удивлением смотрели на проезжающие машины, некоторые начали считать их, указывая пальцами.

— Один, два, три, четыре...

Худощавый подросток указывал на машины, пока не досчитал до последней.

— Двенадцать! Целых двенадцать машин, зачем они едут в горы?

— Они точно не поднимутся, остановятся у въезда в деревню, — другой подросток, держа в руках сумку с книгами, спокойно сказал.

— Вчера приезжала машина, похожая на эти. Бабушка сказала, что это люди с телевидения приехали снимать фильм, — в толпе раздался женский голос.

Едва она закончила, как другой голос, хриплый, вероятно, из-за ломки голоса, насмешливо сказал:

— Ха, вот почему глава убрал ограду с Угодьев Цзымао — денег получил.

— Говорят, эти звёзды зарабатывают кучу денег. Они дадут моему отцу много? — круглолицый мальчик спросил, а потом вдруг вспомнил что-то и с улыбкой добавил:

— Вчера тётя Лю сказала, что её сын Лю Шу будет сниматься в фильме, в историческом костюме. Если ещё понадобятся люди, мой брат тоже может.

— Шо Мяо, Да Гэнь правда будет сниматься? — высокая девушка с двумя косичками подошла к круглолицему мальчику.

Шо Мяо, глядя на неё снизу вверх, неуверенно кивнул.

— Так тётя Лю сказала. Спрошу у отца, может, купит мне новый рюкзак.

Шо Мяо, довольный, пошёл вперёд, а за его спиной друзья тихо смеялись, называя его глупым сыном богача.

Машины, как и предсказывал подросток, остановились у въезда в деревню. Из двенадцати машин вышли семьдесят-восемьдесят человек, несущих ящики разного размера.

У въезда также собрались несколько стариков, которые окружили приезжих и не пускали их в деревню, громко спрашивая, зачем они приехали.

В этот момент из одного дома вышел глава деревни, одетый в белую рубашку и чёрные брюки. Низкорослый и худощавый, с бледной кожей, он не выглядел человеком, привыкшим к

физическому труду. Говорил он мягко, но с акцентом.

Он попытался успокоить стариков, но из-за тихого голоса его никто не слышал. В конце концов, он подошёл к каждому и попросил их отойти, после чего обратился к приезжим:

— Прошу прощения, что не предупредил заранее. Эти люди из города приехали снимать фильм, не для плохих дел. Давайте жить дружно, авось и мы когда-нибудь попадём в телевизор, а?

— Верно, верно, так оно и есть. Мы снимаем исторический фильм с батальными сценами и массовками. Вижу, что жители Цуйчжи очень подходят, может, кто-то из вас даже попадёт в кадр.

Помощник режиссёра съёмочной группы Чэнь Юйши был одет в камуфляж и с загорелой кожей, что очень нравилось местным.

Глава деревни Ван Шэнь подвёл Чэнь Юйши к себе и представил жителям:

— Познакомьтесь, это наш земляк Чэнь Юйши. Мой дальний родственник, который много лет назад уехал из наших гор. Он теперь режиссёр, запомните его имя!

Старики, услышав, что это свой человек, да ещё и такая «важная персона», сразу прониклись уважением. Кто-то спросил, чей он сын, и, узнав, что из знакомой семьи, успокоился и начал вести светскую беседу.

Глава, видя, что все уже познакомились, взял Чэнь Юйши под руку и повёл к себе домой, поручив старшему сыну Да Гэню провести остальных работников к Угодьям Цзымао.

По дороге домой глава, держа за руку давно не виденного Чэнь Юйши, сказал с глубокой серьёзностью:

— Юйши, на этот раз, когда вы приехали в деревню снимать фильм, брат одолжил тебе любимые супругой Угодья Цзымао.

Чэнь Юйши кивнул и, смеясь, похлопал главу по плечу:

— Спасибо, брат! Сначала мне была нужна локация, да и вспомнил про красоту нашей деревни Бишуй. Думал о родных краях и вас, поэтому предложил снять здесь. Это поможет развитию деревни и принесёт доход сельскому хозяйству. Прошло столько лет, я уже почти забыл, что наша деревня называется Бишуй.

— Хорошо, хорошо, значит, не опозорили предков.

Ван Шэнь похлопал его по плечу, но тут же лицо его стало строгим.

— Брат, есть у меня к тебе одна просьба.

— Не за что, брат. О чём просить изволите?

— В нашей деревне есть парень по имени Лю Шу. Высокий, красивый, с приятным голосом. Его мать, узнав, что вы приехали снимать фильм, хочет, чтобы он попробовал себя.

— В кино бывают главные и маленькие роли. Брат, ты хочешь, чтобы я...? — Чэнь Юйши заинтересовался, почему глава рекомендует не своего сына, а чужого.

— Неважно какая роль. Тань Мэн считает, что жалко этому парню всю жизнь просидеть в горах, хочет, чтобы он увидел что-то новое, расширил кругозор.

— А кто такая Тань Мэн?

Жена главы умерла много лет назад, неужели новая жена?

<http://bllate.org/book/16834/1548280>